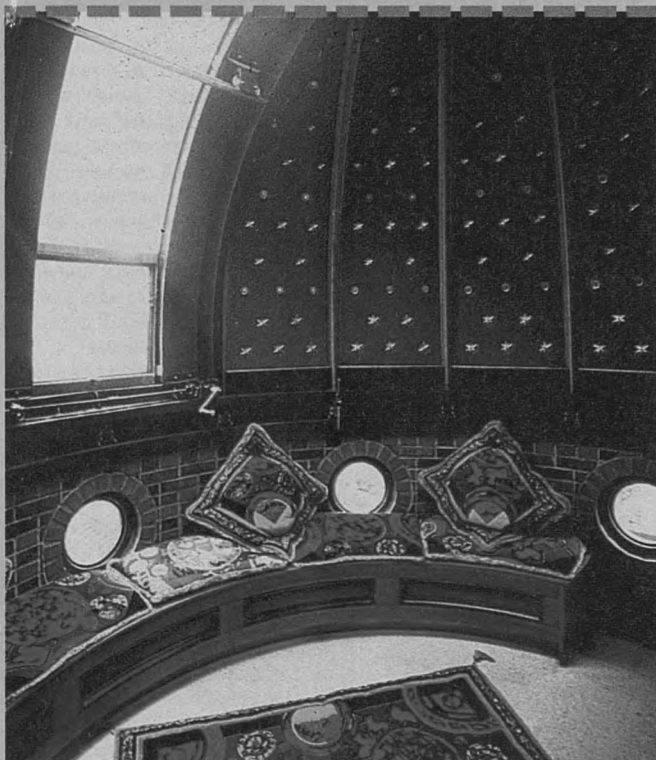

Подобный "евроремонт" на вилле "Каза Казуарина" обошелся Версаче в 32 000 000 долларов

Foto Sipa/Sa

табуны красивых и стройных молодых парней и девушек, стекавшихся в Саус-Бич в надежде, что "сам Версаче" заметит их и "откроет".

Журнал "Тайм" сравнивал Саус-Бич с "пенистым розовым напитком", который служил для Версаче противовесом его бешено-ритмичной жизни в Италии. Жизнь в Майами-Бич — праздником. В Италии Версаче был пленником, в Майами-Бич — свободным человеком. Как символично: все дома Версаче в Италии напоминали крепости со стальными воротами и кучей телохранителей. А вот в "Каза Казуарина" не было ни того, ни другого. Установленные в ней подсматривающие телевизионные камеры, как правило, не работали. Не работали они и в то роковое утро.

Версаче ходил по Саус-Бич один, без охраны. И это была самая непозволительная роскошь, которую он мог себе позволить, роскошь, которую не купишь ни на какие кредитные карточки. Желая подчеркнуть разницу жизни в Италии — в своем миланском замке XVII века и в 17-комнатной вилле на озере Комо — и в "Каза Казуарина" в Саус-Бич, Версаче полустуливно-полусерьезно говорил: "В Милане и на озере Комо я читаю Марселя Пруста. Здесь, в Майами-Бич, мне не нужен еще один монастырь. Это место, где я читаю Трумэна Капоте, листаю иллюстрированные журналы, смотрю фильмы по видео". Короче, он жил там, словно по заветам писателя-гея Капоте, согласно которым жизнь наша — это трын-трава, вернее, травка.

Впрочем, сам Джанни Версаче, как это ни странно на первый взгляд, несмотря на всю экстравагантность своего искусства и образа жизни, был человеком весьма умеренным, даже застенчивым. Он не злоупотреблял наркотиками, ничего крепче вина не пил, предпочитая даже ему минеральную воду. На вечеринки он обычно приходил позже всех и уходил раньше всех. Знаменитые оргии в "Каза Казуарина", в которых принимали участие табуны молодых людей, приглашенных им, проходили без него. Вы не нашли бы его среди жеребцов и кобылиц, резвившихся на его вилле, в ее огромном спортзале или в знаменитой ванной комнате, под душем, где могло уместиться до дюжины людей. Почему? Мне лично кажется, потому, что Версаче жаждал получать от жизни максимум удовольствия. Это не парадокс. Только на ясную голову ты полностью смакуешь жизнь. Чем меньше затуманен твой разум, тем чувственнее ее восприятие. Кто может лучше оценить обжигающее пламя, чем лед, который сам жжет не хуже пламени?

Уинстону Черчиллю принадлежит одно весьма тонкое наблюдение: "Сначала мы строим наши жилища по нашему образу и подобию, а затем они начинают выстраивать нашу жизнь по их образу и подобию". Это замечание полностью относится к домам Версаче. Он покупал и реконструировал их, чтобы оградить свою частную жизнь от внешнего мира, но логика и философия его бизнеса превратила их в витрину. "Мой дом — моя крепость" стал

Супермодели Версаче, его краса, гордость и средство рекламы, оплакивают гибель своего патрона.

брал у своего сумасшедшего меньшого-расточителя кредитные карточки. Но в это трудно было поверить. Для Версаче расточительство было не стилем жизни, а самой жизнью.

Бросив якорь в "Каза Казуарина" на Саус-Бич, Версаче трансформировал не только два здания, но и весь этот квартал. До появления здесь Версаче Саус-Бич был гомосексуально-наркотической клоакой, ульем дешевых отелей и забегаловок, приста-

нием сутенеров. "Каза Казуарина" волшебника из Милана магически превратила Саус-Бич в модную гавань международных геев, так называемого "Общества А-геев", то есть гомосексуальной элиты, богатой, властной, привилегированной. Короче, в Саус-Бич закипела совсем иная жизнь. Как грибы после дождя, стали появляться роскошные рестораны и ночные бары, бутики и модельные агентства, а вместе с ними — целые

тение Санто, второму сыну. Джанни рос одиноким, глубоко страдая от отчужденности единственно близкой ему женщины. Не тогда ли в маленьком мальчике появилась эта щемящая тоска по вечно ускользающей женщине? Не потому ли, обделенный материнской нежностью, он не отходил от Франчески ни на шаг, следил за каждым ее шагом, мечтая оказаться на месте любой закройщицы, работавшей на нее. Ведь на них она хотя бы смотрела, ведь они ей были нужны.

"Я не был материнским любимцем, — вспоминал он. — Скорее подушкой, в которую она частенько втыкала иголки-упреки. Санто был всегда прав, я — виноват всегда во всем. И только когда я повзрослел и стал известным модельером, мать неожиданно открыла меня для себя. Стала разговаривать,

задавать вопросы, интересуясь моими проблемами. Не знаю, может быть, в этом и есть смысл моей жизни и моего творчества — добиться ее внимания!"

Но вернемся в детство Джанни. В 7 лет он испытал первый эмоциональный шок, увидев, как мать снимала мерки с клиентки — прекрасной молодой женщины в кружевном белье. Франческа оборачивала ее тело в черный бархат, подкалывала булавками складки, учитывая каждую линию тела. Джанни завороченно наблюдал за этим священнодействием. Перед его восхищенным взором полубогащенное тело незнакомки облачалось в изумительный наряд, умело подчеркивающий природные достоинства и скрывающий недостатки. На всю жизнь Джанни запомнит это, предпочитая впоследствии работать только "напрямую с те-